

Юнона Белова

Измена мужа.
Две полоски
на твоей лжи!

Юнона Белова

**Измена мужа. Две
полоски на твоей лжи!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Измена мужа. Две полоски на твоей лжи! / Ю. Белова —
«Автор», 2026

Я нашла в рабочем архиве фотографию любовницы мужа. В её руке — тест с двумя полосками. В зеркале автомобиля — счастливое лицо Артёма. Когда я потребовала объяснений, муж заблокировал мои счета, уволил из нашей клиники и забрал детей. Он объявил меня сумасшедшей, пригрозил лишением родительских прав и потребовал подписать развод на его условиях. Но вскоре я обнаружила страшную тайну. Ребёнок любовницы вовсе не от Артёма. Мой муж собирается купить себе наследника, чтобы расплатиться с опасными людьми. И ради этого готов пожертвовать нашими детьми. Теперь у меня остался единственный шанс разоблачить его. Но кому доверять, если даже ближайшие люди меня предали?

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Юнона Белова

Измена мужа. Две полоски на твоей лжи!

Измена мужа. Две полоски на твоей лжи!

Юнона Белова

Глава 1

Телефон дребезжал о край лабораторного стола. Пришлось отодвинуть его от пробирок. Я не сразу ответила — руки были в перчатках. Сняла их, отложила подальше от пробирок и включила громкую связь. На экране высветилось «Свекровь». Сердце пропустило удар. Галина Ивановна никогда не звонила без повода, а поводы у неё всегда заканчивались скандалом.

— Маринка, где тебя носило? — Галина говорила так громко, что я убавила звук. — Дети сидят у меня третий час! У меня давление подскочило от нервов, я еле стою на ногах! А ты там, в своей лаборатории, цифры гоняешь? Эгоистка! Забирай их немедленно или я вызываю полицию за оставление детей в опасности!

Я открыла рот, чтобы ответить привычной фразой: «Галина Ивановна, у меня смена до семи, дети в безопасности», но в трубке раздался другой звук. Скрип кресла, спокойный бархатный бас Артема:

— Мам, успокойся. Пусть работает. Я сам заберу.

Я уже набрала воздух, чтобы попросить его привезти детей домой, но Артем больше ничего не сказал. Даже не взял у матери трубку. Решил за нас обоих — и разговаривал теперь только с ней.

— Ладно, сынок, — сказала Галина уже совсем другим голосом. На меня она кричала, а для него даже слова растягивала ласково. — Ты у нас всегда ответственный. Хоть на тебя положиться можно.

Разговор закончился. На экране осталось время вызова — меньше минуты. За эту минуту я опять стала плохой матерью, а Артем — заботливым отцом. Написала ему: «Привези их домой к семи». Сидела над телефоном до тех пор, пока экран не потемнел. Ответа он не прислал.

Когда открылась дверь, я прикрыла телефон перчаткой. В лабораторию вошла Кира с планшетом. У ресепшена она улыбалась каждому пациенту; со мной обычно обходилась без приветствия. Теперь улыбнулась и мне. Прядь у виска лежала волосок к волоску — хоть сейчас на рекламный снимок клиники.

— Марина Сергеевна, по четыреста второй пробирке маркировка не сходится, — Кира повернула планшет ко мне, но читать не дала: сразу отвела обратно. — Просят перепроверить до конца смены. Срочно.

Я посмотрела на часы. 18:45. До конца моей смены оставалось пятнадцать минут.

— Отправьте официальный запрос через систему, — сухо сказала я, отодвигая перчатки. — Я не беру ответственность за чужие ошибки вне рабочего графика. Без подписи заведованием ничего не делаю.

Она осталась между мной и дверью. Запах ее духов перебил даже спирт, которым я протерла стол. Когда Кира наклонилась ближе, я отодвинула стул. На моей работе так стоят у человека над плечом, когда хотят, чтобы он ошибся.

— Артем сказал, останешься до закрытия, — сказала она. Теперь уже на «ты». — Не подведи мужа, Марин. Он ждет, что ты закончишь вовремя. Иначе всем достанется.

Кира постучала ногтем по планшету, ожидая ответа. «Не подведи мужа» — значит, рабочего запроса не будет. Потом в журнале останется моя фамилия и моя ответственность за про-

бирку №402. Откажусь — Артем при всех назовет это саботажем. Останусь — он опять распорядится моим вечером через администратора.

Перчатки так и лежали передо мной, смятые, липкие изнутри. Надевать их снова нельзя. Я подвинула коробку с чистыми, потом убрала руку: сначала надо открыть журнал. Пробирка чужая, но подписывать результат придется мне. Сделала два медленных вдоха, как перед проверкой, на которой нельзя перепутать ни одной цифры.

Журнал не открылся. На мониторе вертелся значок загрузки, строка с номером пробирки осталась серой. Подождала, затем попробовала войти еще раз. Система запросила пароль и предложила выгрузить временные резервные файлы. При таком сбое я обычно начинала именно с них.

Я знала этот путь наизусть. Папка «Входящие_Резервные_Копии». Обычно там лежали черновики протоколов, пустые бланки анализов, сканы лицензий. Я проверяла эту папку при сбоях десятки раз и никогда не задерживалась в ней дольше минуты.

Набрала команду выгрузки. Прогресс-бар пополз вперед. 98%... 99%... Ошибка доступа. Файл поврежден.

В списке последних загрузок искала файл, на котором остановилась выгрузка. Квартальный отчет, скан документа — обычные названия. Ниже стояло IMG_9982_RAW.jpg. Я вернулась к этой строке. У нас изображения анализов называли по номеру исследования, а здесь имя оставили как в телефоне.

Дата создания: вчера. Время: 23:15.

В это время Артем должен был быть на деловой встрече с инвесторами в бизнес-центре «Москва-Сити». Мы обменялись смс в 22:00: «Задержусь. Целую. Люблю». Я тогда ответила: «Жду». И уснула, оставив ему ужин.

Я дважды кликнула на файл. Изображение развернулось во весь экран.

Я придвинула стул к монитору. Вентиляция гудела, но я слышала только собственное дыхание.

На фотографии передние сиденья автомобиля Артема. Его личного Mercedes G-Wagon, который он обещал мне в подарок на годовщину свадьбы. Кожа салона светлая, дорогая. И на ней лежит Кира. Не просто сидит — лежит головой на коленях водителя. Её ноги обнажены выше колена, ткань платья задрана. В поднятой руке у неё тест-полоска. Две четкие красные полоски. Положительный результат.

В зеркале заднего вида видно лицо Артема. Снимок сделан со стороны пассажирского места; он смотрит туда и улыбается. Я увеличила отражение. Узнала складку у его рта, которой всегда любовалась на наших свадебных фотографиях. Хотела найти ошибку — чужое лицо, кривой контур, хоть что-нибудь.

Тошнота подступила раньше, чем я успела отодвинуться от монитора. Уперлась обеими ладонями в стол и наклонилась, боясь не удержаться. Первая пуговица халата давила на шею; расстегнула ее, но легче не стало. С такого расстояния снимок уже расплывался. Все равно продолжала смотреть.

Может, коллеги подшутили? Подставили лицо, подрисовали полоски? Я знала, что с изображениями делают и не такое. Почему-то в голове вертелось слово «вирус», хотя вирус не объяснял ни позы Киры, ни Артемовой улыбки.

Навела курсор на удаление. Хотелось, чтобы снимок исчез хотя бы с рабочего экрана. Система потребовала пароль владельца: Artem_V. Мой пароль не принимала. Я отдернула руку от мыши, будто меня застали за чем-то постыдным.

Смотреть мне разрешалось, удалить — нет. У снимка стоял аккаунт Артема. Значит, картинку загрузили с его доступом. Он сам? Кира с его телефона? Я перебирала варианты, и ни один не позволял просто закрыть файл и закончить смену.

Утром он целовал меня в кухне. Кира проходила мимо лаборатории с тем же планшетом. Оба знали о вчерашней ночи. Одна я проверяла пробирки и думала, что дома меня ждут. Сохранила снимок в свое облако — дрожащим пальцем нажала на подтверждение дважды.

Вышла из лаборатории, забыв снять халат. У двери нащупала телефон в кармане и набрала Артема. В коридоре было светлее, чем у моего стола; пришлось прищуриться. Что скажу, если он ответит? Назову номер файла? Спрошу, зачем ее голова у него на коленях? Хотелось услышать от него хоть одну фразу прежде, чем я начну кричать.

Артем не отвечал. После долгих гудков включился автоответчик. Я сбросила вызов и набрала снова.

Кира увидела меня раньше, чем я успела убрать телефон. Остановилась, глянула на снимок. Я ждала, что она вырвет аппарат или хотя бы спросит, откуда фотография. Она поправила прядь у виска и подошла еще на полшага.

Снимка она явно не боялась. Наоборот, улыбнулась, когда я подняла глаза от экрана. Держала паузу, пока не услышала последний гудок. Потом наклонилась к моему уху, как к пациентке, которой сообщают что-то особенно неприятное.

— Он любит порядок, Марина, — произнесла она мягко, почти нежно. — Даже в грязных делах. Ты всегда была слишком чистой для этого мира. Слишком прямой. А Артем... он предпочитает сложных игроков.

Затем она выпрямилась и ушла, оставив меня стоять посреди стерильного коридора клиники репродукции, у двери моей лаборатории. Я все еще держала телефон, хотя звонить больше не хотела.

Глава 2

Дома я включила свет в прихожей и замерла: детских ботинок не было. Из кухни звякнула чашка. Галина сидела за столом в халате, который держала у нас на случай ночевки. Я прошла прямо к ней, даже пальто не сняла.

— Дети у меня дома, с няней, — равнодушно бросила она. — Артем заехал, забрал их, а меня сюда привез. Они уже спят. Тебе лучше не тревожить их сейчас.

— Я утром приеду, — сказала я. Галина отхлебнула чай, будто не услышала. Я потянулась за телефоном, но остановилась: няня не возьмет трубку, если ей запретили.

На плите стояла тарелка с недоеденным борщом. Холодным. На поверхности застыла оранжевая пленка жира. Галина придвинула её ко мне.

— Ешь. Ты худая. Артем говорит, что ты много работаешь, но мало ешь. Он очень расстроен из-за слухов о проблемах на работе. Просил передать, чтобы ты не создавала нервозности дома. Ему нужна стабильность.

Я взяла ложку. Руки тряслись так, что бульон расплескался на скатерть. Галина поморщилась, но ничего не сказала. Она продолжала пить чай, глядя в окно, где темнела ночь.

Когда она поставила чашку, рукав задрался.

На запястье Галины, выглядывающем из-под рукава домашнего халата, блестели новые золотые часы. Швейцарский бренд, который она просила купить месяц назад. Артем тогда отказал, сказав, что в клинике дефицит оборотных средств, что нужно экономить на всем. «Никаких подарков, пока не закроем квартальный отчет», — говорил он, целуя меня в макушку.

Часы я узнала сразу — Галина показывала их Артему в каталоге, просила именно эту модель. Он тогда отвечал ей при мне: денег нет, клинике нужнее. На новой куртке для меня он тоже сэкономил. А для этих часов деньги нашел — теперь она размешивала сахар рукой, на которой блестел подарок.

Я смотрела на часы и вспоминала, как сама соглашалась подождать с новой курткой. Сейчас Галина не прятала подарок. Даже повернула запястье, проверяя время, пока я вытирала борщ со скатерти.

В спальне потянула одеяло с Артемовой половины кровати. Подушка пахла его одеколоном, а следом я уловила сладкие духи. Такие были сегодня у Киры. Наклонилась к ткани еще раз, сердясь на себя: вот уже и подушку обнюхиваю. Но запах оставался.

Раскрыла ноутбук прямо на кровати. Адвокаты, семейные споры, частный сыск — набирала все подряд и закрывала страницы, как только видела цену. Кому написать, чтобы сперва выслушали, а не просили перевод? Палец завис над кнопкой письма. Рассказать чужому человеку о Кире оказалось труднее, чем смотреть на снимок.

Вдруг телефон завибрировал. SMS от банка. «Подозрительная активность. Доступ к совместному счету ограничен по запросу главного держателя счета (Artem V.). Для уточнения обратитесь в поддержку».

Открыла банковское приложение: расходные операции недоступны. Проверила вторую привязанную карту — тот же запрет. Чем платить адвокату? Как ехать к детям? Я прижала телефон ко лбу, пытаюсь вспомнить, сколько наличных осталось в сумке.

Я снова открыла фото на телефоне, которое успела сохранить в своем облаке до ухода из лаборатории. Смотрела на детали, пытаюсь найти рациональное объяснение. Может, это монтаж? Может, игра?

Увеличила фон снимка.

На заднем плане, в отражении бокового зеркала машины Артема, виднелся дорожный знак. Знакомый указатель на частную клинику «Genesis». Но не ту, где мы работали. Другую. Расположенную в другом районе Москвы, куда Артем, по его словам, не ездил годами.

И главное — на руке Киры. На безымянном пальце левой руки сверкало кольцо. Камень необычной огранки, редкий сапфир с розовым оттенком.

Я узнала это кольцо.

У меня в шкафу лежала старая семейная фотография бабушки и дедушки Артема. Его покойная бабушка носила именно такое кольцо. Семейную реликвию. Кольцо, которое должно было перейти по наследству законной жене. Мне.

Кире он отдал то, что обещал мне после свадьбы.

Я снова увеличила тест. Две полоски, но разве по ним узнаешь, кто отец? У Киры мог быть другой мужчина. Или это действительно ребенок Артема — а я ищу оправдание, лишь бы не принять очевидное.

Клиника стоила огромных денег. Артем в последние месяцы все чаще говорил об инвесторах, но не называл ни одного. Зачем держать личный снимок в рабочем архиве? Его аккуратность мешала поверить в случайную загрузку.

Но почему кольцо? Почему именно эта женщина?

Я вспомнила разговоры Артема по телефону, обрывки фраз, которые я раньше игнорировала. «Авторитет требует гарантий». «Контракт должен быть обеспечен кровью».

От этих обрывков становилось страшнее, чем от самого снимка. Я ничего не знала о договоре. И уже собиралась звонить человеку, который мог быть его участником, — своему мужу.

На столе остались документы клиники, которые он просил меня подписать на прошлой неделе. Тогда я не прочла их: спешила на смену. Сейчас потянулась к папке и остановилась. Какие еще решения он уже принял от моего имени?

Одной фотографии мало. Мне нужны были документы и человек, который прочтет их вместе со мной, не позвонив сначала Артему.

Подтянула покрывало до подбородка. Батарея грела, я сидела в одежде, а все равно мерзла. Ноутбук съехал на край кровати; поймала его и поставила на пол. Пока ничего не написала ни одному юристу.

Телефон снова завибрировал. Сообщение в мессенджере от незнакомого номера. Я прочла его дважды.

«Если хочешь увидеть оригинал видео, а не фотошоп, приходи в переговорную «Бета». Вечером, когда клиника закрыта. Артему не говори: он уже готовит документы о детях».

Экран погас. Темнота спальни давила на глаза. Я лежала неподвижно. За стеной Галина звякнула чашкой. Сохранила незнакомый номер, погасила экран и спрятала телефон под подушку. До завтра нужно было не выдать себя.

От вчерашнего борща на тарелке осталась подсохшая кайма. Артем сидел рядом и листал новости, как обычно перед работой. В окно едва пробивался утренний свет. Я остановилась напротив стола с телефоном в руке. Приложение банка еще ночью перестало давать оплатить хоть что-нибудь. Доехать к детям на автобусе было не на что; просить деньги пришлось у него.

— Сними блокировку, — сказала я. На слове «сними» голос подвел. — Артем, не смотри в телефон. Детям скоро в школу. Форма, еда — чем мне за это платить? Ты сам забрал их к маме, а теперь деньги отнял?

Он досмотрел новость и открыл следующую. Я подошла к столу. В прежние дни он хотя бы отвечал, пусть раздраженно, пусть «потом». Сейчас я произнесла его имя еще раз, а он провел пальцем по экрану. Больше всего хотелось забрать этот телефон, чтобы ему наконец пришлось посмотреть на меня.

— Я сказала, сними блокировку! — сорвалось с губ. Последнее слово я почти прокричала. Он наконец посмотрел на меня.

Когда я повысила голос, он положил телефон экраном вниз. Сначала посмотрел на меня, затем на часы. Вот на крик ответил сразу. На деньги, на школу, на детей — ни слова.

— Ты кричишь, Марина. В семь утра.

Я сунула ему свой телефон под нос. На экране застыло то самое фото: Кира в его машине, тест-полоска в её руках, его усмешка на заднем плане. — Что это? Объясни мне, почему у администратора ресепшена две полоски, если ты утверждаешь, что между вами ничего нет? Почему файл был на нашем сервере?

Он глянул на фотографию и поморщился. Узнал, вот что я заметила. Даже не приблизил картинку, чтобы проверить свою прекрасную «подделку». — Дай сюда.

Аппарат дернул из моих пальцев. Острый край чехла проехал по коже; я потянулась за телефоном, но он уже держал его над головой. Прежде успел что-то нажать — снимок исчез. Меню он находил быстро, без единой заминки. — Вредоносный код, Марина. Ты скачала мусор из темной сети. Теперь шантажируешь клинику данными пациентов? Это подделка. Детская, грубая подделка.

— Это моя работа! — взвизгнула я, пытаюсь схватить его за запястье. — Я врач-лаборант, я знаю, как проверить дату и источник снимка! Это не вирус, это фотография! Отдай телефон!

Я встала на носки и схватила его за рукав. Не достала. Он еще немного поднял руку, смотрел, как я тянусь, и только когда я начала задыхаться, опустил телефон на стол. — Хватит истерить. Из кармана вынул второй аппарат, свой старый защищенный, и включил камеру. — Записываю для юриста. Нестабильное эмоциональное состояние, угроза сотрудникам клиники. Доступ к сетям тебе уже блокируют.

От его одеколона меня снова затошнило. Я сама выбирала этот запах, радовалась, когда он пользовался подарком. Теперь старалась отойти так, чтобы не чувствовать. Он повернул камеру за мной: в кадре будут мое красное лицо и срывающийся голос. То, как он отбирал телефон и заставлял меня прыгать, останется только между нами.

Глава 3

В дверь позвонили. Резкий, требовательный трезвон эхом прокатился по квартире. Артем не двинулся. Он лишь кивнул в сторону прихожей. — Иди открой. Может, это твой адвокат. Или банк.

Я побрела в коридор, ноги стали ватными. За дверью стоял курьер в униформе. В руках он держал плотный конверт с печатью банка. — Подпишите, — буркнул он, протягивая план-

шет для подписи. — Что это за документ? — спросила я, надеясь на хоть какую-то человеческую реакцию. — Уведомление банка. Я содержимого не знаю. Распишитесь в получении, пожалуйста.

Банк прислал уведомление уже утром. Значит, Артем занимался этим до того, как я успела задать ему хоть один вопрос. За моей спиной возникла тень. Артем вышел из кухни. Его ладонь легла мне на плечо. Я попробовала отступить, но он сжал пальцы и удержал меня перед курьером. — Спасибо, — сказал он курьеру. Тот исчез, хлопнув дверью лифта.

Я сорвала угол конверта прямо в коридоре, руки дрожали так сильно, что бумага рвалась. Внутри лежала распечатка. Баланс обнулен. Доступ к совместному счету приостановлен до выяснения обстоятельств. Я перечитала строку с остатком. Ноль. Еще вчера там были деньги на обычные покупки.

Артем забрал у меня письмо, пробежал глазами и положил обратно в конверт. Вернулся в кухню; я пошла следом. — Можно все прекратить, Марина. — Он вернулся к столу и вынул из папки один лист. Голос понизил, точно я уже согласилась его слушать. — Подписываешь заявление, сегодня увольняешься. Никаких скандалов, никаких серверов. Потом идешь к психиатру. У меня есть знакомый, хороший. С паранойей работает.

Я смотрела на бумагу. Внизу уже стояла сегодняшняя дата. Мне оставили пустую строку для подписи. — Если ты откажешься, — добавил он тише, — я подам на развод с требованием полного лишения тебя родительских прав. Мама уже звонила. Она беспокоится о внуках. Она считает, что их мать нездорова. Ты понимаешь, что это значит? Ты потеряешь детей, Марина. Навсегда.

Он придвинул ручку. Хотел, чтобы я сама ушла с работы, сама согласилась на его врача — а потом он показывал бы эти бумаги всем, кто спросит о детях. Я отвела ручку от себя. Взяла лист за край. Он сразу подвинул ко мне ручку еще ближе. Мне полагалось расписаться, поблагодарить и перестать мешать. Сжала бумагу в ладони. Смяла так, что больно уколол угол, и бросила в ведро под раковиной. — Нет.

Улыбка сползла с лица Артема. Он посмотрел на смятый лист в ведре, потом снова на меня. — Ты думаешь, можешь торговаться?

До двери спальни я не дошла. Он поймал меня за запястье и развернул обратно, прижал к стене коридора. В руке прострелило от ладони до локтя. — Слушай внимательно. Сейчас успокоишься — или дети посмотрят, как ты орешь на их отца. Ломаешь технику. Крадешь семейные деньги. Узнают, что мама сошла с ума. Ты этого добиваешься?

Второй телефон он держал другой рукой. Запись продолжалась. Артем давил большим пальцем на мое запястье и говорил о детях — спокойно, почти ласково. Хотелось кричать от боли. Но именно этого он и ждал.

Попробовала повернуть руку к его большому пальцу, где хватка была слабее. Он дернул сильнее, и я ударилась затылком о стену. На секунду стало тихо даже в голове. Открытая дверь спальни была у самого плеча; надо было отойти туда, а не спорить в коридоре. — Отпусти. Произнесла тихо. Кричать уже не хватало воздуха.

Он моргнул и ослабил пальцы. Может, ждал, что я попрошу прощения. Выдернула руку, уперлась ладонью ему в плечо и отступила в спальню. — Нерзумно себя ведешь, — сказал он. Поправил манжету на той руке, которой держал меня. Я смотрела на ткань и никак не могла отвернуться.

Дверь кабинета захлопнулась, затем щелкнул ключ. Только тогда я опустилась на край кровати. Запястье саднило, пальцы плохо слушались. Хотелось заплакать, но я боялась, что он услышит из кабинета и вернется продолжать запись.

Прикрыла дверь спальни и прислушалась. В кабинете застучала клавиатура. Пока он занят, можно позвонить. В лаборатории мне приходится искать, где оборвалась запись, какой файл не выгрузился и почему цифры в двух отчетах разные. Артем любил показывать мне

защиту архива переговоров: жаловался, что персонал ни в чем не разбирается. Я слушала. Теперь вспоминала, какие папки он открывал и что оставлял в резервной копии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.